

В.А.КОРШУНКОВ
(Вятка)

ОБРЯДОВОЕ ХЛЕСТАНИЕ В ДЕТСКОЙ ПОТЕШКЕ

Добренькая бабушка

Корней Чуковский однажды назвал "Ладушки" бессмертными [1]. Это действительно так. В наше время "Ладушки" — одна из самых известных песенок-потешек для детей. И это притом, что ее текст, несомненно, очень древний. Имеются и редкие, полузабытые варианты текста "Ладушек", они очень важны для исследователей (и речь пойдет главным образом как раз о них). Но обычный, наиболее распространенный и повсеместно известный вариант текста на удивление стабилен. Он сформировался и устоялся за долгие века до того, как попал в поле зрения фольклористов [2, с. 69-70]. Вот этот расхожий вариант: "Взяв ручки ребенка, хлопают ими в ладоши, в такт, а при последних словах ручки разводят и поднимают на голову ребенка:

— Ладушки, ладушки!
Где были? — У бабушки.
— Что ели? — Кашку.
— Что пили? — Бражку.
Кашка сладенька,
Бражка пьяненька,
Бабушка добренька.
Попили, поели, —
Шу-у-у — полетели,
На головушку сели [3, с. 119].

Этот текст опубликован П.В.Шейном на рубеже нашего века, за сто лет он не изменился.

Бабушка, о которой говорится в потешке, угощает, кормит-поит. Она "добренька". Но фольклористы отметили и такие варианты текста, где бабушка бьет своих гостей. Четыре из них приводит О.И.Капица в своей книге о детском фольклоре. К сожалению, это не полные тексты, а только отрывки из них:

— Что били? — Спинку.
— Чем били? — Венничком.
Кашку ели с семечком,
Погнали нас венничком.
Били лозенькой.
Сек, сек, сек;
Проводили голичком [4, с. 56].
Чем бабушка била?
Была лозенькой
Сек, сек, сек... [4, с. 199].

Характерно, что в недавно вышедшем сборнике детского фольклора, в котором перепечатаны три из этих четырех текстов, они сопровождаются таким указанием: "окончания "Ладушек" с заменой стиха о доброй бабушке — стихом "Бабушка недобрая" [3, с. 121]. Однако едва ли в предыдущих, не опубликованных Капицей строках было сказано, что "бабушка — недобрая". На той же самой странице сборника детского фольклора, где перепечатаны тексты из книги Капицы, есть еще один вариант "Ладушек" (из собрания П.В.Шейна):

— Ладушки, ладушки!
Где были? — У бабушки.
— Что ели? — Кашку.
— Что пили? — Бражку.
— Кого били? — Машку.
— За что про что?
— Не ешь нашу кашку,
Не пей нашу бражку!..
Кашка сладенька,
Бражка пьяненька,
Бабушка добренька... и т.д. [5].

Правда, тут не сказано прямо, что бьет добренькая бабушка. Однако в других случаях бабушка, стегаящая детей всеником-голиком названа доброй:

...Кашка слатенька,
Бабушка добренька,
Напоила молочком,
Проводила галичком... и т.д. [6].

В другом известном мне варианте — белорусском — бабушка, угостив детей кашкой-бражкой, приглашает их прийти к ней еще, тогда она угостит лучше:

Ладу-ладу-ладкі.
— А дзе былі? — У бабкі.
— А што елі? — Кашку.
— А што пілі? — Бражку.
Бабулька казала,
Як нас частавала:
— Прыхадзіце часцей,
Пачастую ляпей:
Дам вам сыравашкі,
Бярозавай кашкі,
Піражкоу у маку
І розных прысмакаў [7].

Бабушка обещает разные вкусности, в том числе простоквашу и пирожки с маком. И в этом перечне лакомств упомянуто такое своеобразное угощение, как "березовая каша". А это выражение вроде бы определенно означает хлестание березовыми прутьями, вообще сечение, порку [8, с. 83]. Если так, то в контексте этой потешки вряд ли следует понимать намерение бабушки попотчевать детей березовой кашей как

иронию. Ирония в песенке-потешке для самых маленьких вряд ли уместна, в таком возрасте она еще не воспринимается. Да и прочие сулимые бабушкой яства действительно должны быть желанны и лакомы для ребят. Выходит, что радушная хозяйка и впрямь добра к детям, она хочет их вкусно накормить и немножко посечь, но это хлестание почему-то не должно их обидеть. Впрочем, весьма вероятно и другое объяснение "березовой каши", но об этом дальше [9].

И самое важное, что в наиболее распространенном варианте "Ладушек", приведенном выше, бабушка всегда "добренька".

Как бы то ни было тема битья, хлестания, сечения бабушкой детей достаточно хорошо засвидетельствована, чтобы не считаться случайной:

...Проводила галичком:
 Не ходи босичком,
 А в обувочках [10].
 — Ладушки, ладушки,
 Где были? — У Аннушки.
 — Что ели? — Оладушки...
 А у Сенечки — семечки.
 Провожали нас веничком [11].

Итак, в некоторых вариантах "Ладушек" бабушка сечет пришедших к ней в гости детишек веником или лозою, а порой и тем, и другим ("Били лозенькой... / Проводили галичком"). Странно это хлестание лозой — как будто ивняк или прутья вербы всегда находились под рукой в избе у всякой деревенской бабки. Странно и то, что, судя по всему, это битье не воспринималось как наказание.

Встреча птиц и Вербное воскресенье

Мне уже приходилось отмечать, что текст песенки-потешки "Ладушки" (как и текст других детских потешек — "Сорока", "Дроздок") отражает реалии весеннего обряда встречи птиц [12]. Вот и в приведенных выше вариантах "Ладушек" упоминается обрядовая еда. "Бражка пьяненька" отнюдь не детский, зато традиционный обрядовый напиток. И еще более показательна "кашка с семечком", т.е. "семянная каша" с добавлением конопляного семени. Она была обычным кушаньем во время постов, а встреча птиц приходилась как раз на Великий пост. Кроме того, очень часто "семянная каша" использовалась в качестве еды обрядовой [13].

Примечательно, что обрядовая еда праздника встречи птиц упоминается в тех же текстах, где говорится и о хлестании детей доброй бабушкой. В народной традиции ритуальное хлестание детей лозой, ивняком и прежде всего ветками вербы хорошо известно. И приходится оно как раз на весеннюю пору. Это обычай "отвербовывания", приуро-

ченный к последнему воскресенью перед Пасхой — Вербному воскресенью.

Согласно церковной традиции, вербные прутья в этот день должны символизировать пальмовые ветви, с которыми жители Иерусалима приветствовали Иисуса Христа при въезде его в этот город [14]. Однако в Западной и Центральной Европе в этот день использовали не только пальмовые и вербные ветви, но довольно часто и ветви других растений: оливы, самшита, розмарина, лавра, бука, орешника, падуба, можжевельника, ели, сосны, фисташки, кизила, лимона, апельсина, а также просто украшенные палки [15]. То, что на Руси пальму символизировала именно верба (или похожий на вербу ивняк), обычно объясняют дохристианским происхождением этого обычая [16, с. 98]. Вербя и родственные ей ивовые растения по весне первыми среди прочих деревьев и кустов наливаются жизненной силой и выпрастывают пушистые почки. Приобщить человека или животное к этой нутряной плодородной силе растения можно, похлестав его прутом или веником из прутьев. Это типичный пример контактной магии [17]. Как и во многих других случаях, христианская церковь включила этот распространенный языческий обычай славян в свою систему календарных праздников и обрядов, приурочив обрядовое хлестание весенней лозой к последнему перед Пасхой воскресенью, которое от этого и получило название Вербного. "Освятив вербу в церкви, — пишет В.К.Соколова, — несли ее в дом, где ударяли ею всех домочадцев, чаще же детей. Делали это с магической целью — "для здоровья"... чтобы "здоровьицу у них прибыло"... Об этом же говорилось и в приговорках, которыми сопровождалась удары: "Вербя красна, бей до слез, будь здоров!"... "Как вербочка растет, так и ты расти", — говорили в Енисейской губ., стегая ребятешек... При этом обычно прибавляли: "Не я бью, верба бьет". В Белоруссии освященной вербой обычно ударяли больных... [16, с. 98; 18]. В отваре из вербы купали во время полнолуния больных детей [15, с. 100; 19]. Освященную вербу сохраняли до Егорьева дня, когда в первый раз выгоняли скотину в поле. При этом животных ударяли вербными прутьями:

Пришла верба
Из-за моря,
Принесла верба
Здоровья.
Вербя хлест,
Бей до слез!
Еще на здоровье,
До красенького яичка! [20].

Словом, верба несла здоровье. И жизненную силу. В Полесье приговаривали так: "Вэрба бье, нэ забье, а ты, бабко, нэ умирай, красного яечка дождай" [21]. На Украине бытовало поверье: если из особой

вербы, что растет в лесу, сделать флейту, то от ее звуков мертвые встанут из гробов [22].

Здоровье и жизненную силу несли и прилетающие по весне птицы, воплощающиеся в обрядовом печенье с птичьими названиями: "кулики", "жаворонки" и т.п. Печенье это делалось ко дню встречи птиц, а он обычно приходился на 1, 9 или 25 марта по старому стилю — в разных местах по-разному. В день праздника девушки или дети закликали птиц, рассаживая печеных "куликов" и "жаворонков" на колыях забора, на вершущах стогов, на палках и жердях, на соломе, на проталинах [16, с. 76; 23]. Самые распространенные мотивы таких закличек-веснянок — это призывание весны и птиц (птицы должны принести с собою весну), повеление замкнуть холодную зиму и отомкнуть "весну-красну" и "тепло летечко". По древним народным поверьям, весенние птицы летят из заморской потусторонней страны — из вырия — и несут с собой здоровье и жизненную силу, которой так не хватает людям и животным в это время года. Эти представления отразились в текстах закличек:

Жаворонки, жаворонки,
Летите из-за моря!
Несите здоровья!
Кому крошку,
Кому ложку,
А мне цельную лепешку!.. и т.д. [24].
— Весна, весна,
На чем пришла?
— На сохе, на бороне,
На кобыле вороне!

Ой вы, жаворонки,
Жавороночки!
Летите в поле,
Несите здоровье:
Первое коровье,
Второе овечье,
Третье человечье! [24, с. 186].

Наигравшись с печеными "птичками" и исполнив песенки-заклички, печенье обычно съедали: принесенное птицами здоровье представлялось как нечто вполне вещественное. Но съедали не всегда сразу, иной раз несколько печений сохраняли до другого праздничного дня. И ели "птичек" не только участники обряда. Считалось нужным приобщить к здоровью и жизненной силе все семейство. Поэтому обычно количество приготавливаемого ко дню встречи птиц обрядового печенья зависело от количества членов семьи. А если встреча весны в какой-либо деревне по традиции приходилась на 9 марта (по православному календарю это Сороки — день сорока мучеников севастьянских), то хозяйки старались сделать сорок таких печений или сорок круглых хлебцев, колобков, шариков. Нужно было передать здоровье и домашней скотине ("первое

коровье, второе овечье”), поэтому кусочки печенья скармливали скоту. В Калужской губернии куски печенья дети бросали в воду. На вопрос, зачем это они делают, был ответ: “Чтобы никто не помер” [25]. Очевидно, сходные представления лежали в основе близкого по смыслу обычая: когда молодежь начинала петь веснянки, пожилые женщины бросали в воду специально испеченные пироги [16, с. 68; 26].

Получается, что с двумя видами весенних священных предметов: с освященными вербными прутьями в день Вербного воскресенья и с обрядовым “птичьим” печеньем в день праздника встречи птиц — связывались в народном представлении сходные идеи. И верба, и “кулики-жаворонки” пришли из-за моря (из вырия) и принесли с собой людям и скоту здоровье и жизненную силу, вплоть до явного противодействия старости и смерти. Может быть, это сходство объясняется всего только временной близостью двух весенних народных праздников — фиксированного (встреча птиц) и переходного, зависящего от даты Пасхи (Вербного воскресенья)? Однако сходство двух праздников не ограничивается только этим.

Каша вербная и березовая каша

Обрядовое печенье в день встречи птиц съедали, чтобы быть здоровыми. Но известны случаи, когда из подобных же соображений ели и почки вербы в день Вербного воскресенья, а также обрядовое печенье, приготавливавшееся к этому дню. “В Вербное воскресенье крестьяне во время утрени молятся с освященной вербой и, придя домой, глотают вербные почки для того, чтобы предохранить себя от болезни и прогнать всякую хворь. Детей своих (а также и скотину) крестьяне слегка хлещут вербой, приговаривая: “Не я бью — верба бьет, верба хлест бьет до слез”. В этот же день бабы пекут из теста орехи и дают их для здоровью всем домочадцам, не исключая и животных” [27]. По свидетельству И.П.Калинского, в старину ели по девяти шишечек-сережек со священной вербы, чтобы обезопасить себя от лихорадки [28]. В Ярославской губернии “бабушки запекали в хлебцы шишечки вербы и обязательно скармливали его скотине” [29]. Был и такой обычай: придя с заутрени, хозяин бросал веточки вербы в корм скоту, чтобы предохранить его от падежа [30].

В Словаре В.И.Даля отмечено выражение “вербная каша”. Это “цвет вербы, сережки, которые варят в каше и едят в этот день”, т.е. в Вербное воскресенье [8, с. 178].

В этой связи можно вспомнить сходное выражение — “березовая каша”, а также приведенную выше беларусскую потешку, в которой бабушка сулит ее детям. Примечательно, что в этой потешке березовая

каша упоминается среди кушаний. Кстати говоря, языковеды ставят это выражение в один ряд с длинным перечнем похожих по структуре (да и по смыслу) фразеологизмов: сочетание глагола "дать" с существительными (или их перифразами), имеющими переносное значение. В этих русских фразеологизмах "наиболее активным компонентом... являются существительные, обозначающие пищу: дать алабыш, бабашку, булку, блин, буханцев, жареху... — есть и много других выражений, означающих "ударить, побить" [31].

По-видимому, и березовой кашей, подобно каше вербной, поначалу называли настоящую кашу, весеннюю обрядовую, в которую добавляли березовые почки. Если верно предположение, что "Ладушки" отражают обрядовые реалии праздника встречи птиц, то такую кашу, надо думать, готовили в день встречи птиц — подобно тому, как вербную кашу варили в Вербное воскресенье. Использование березы в обрядовых целях 1 марта, в день встречи птиц, засвидетельствовано. Например, 1 марта по березовой ветви начинали гадать: сколько дней ветвь простоит черной, без листьев, столько недель пройдет до первого выгона скота в поле [32]. Этот обычай является еще одним свидетельством сходства между обрядами дня встречи птиц и Вербного воскресенья, так как скот обычно выгоняли, ударяя освященной вербой.

Во времена Даля выражение "березовая каша" уже перестало восприниматься буквально и стало означать хлестание ветвями, порку розгами. Это изменение значения было естественно: ведь и в Вербное воскресенье не только ели вербную кашу, но и хлестали друг друга прутьями. По всей видимости, сходным образом могли поступать с березовыми ветвями и березовыми почками и в день встречи птиц. Кстати, и в народных загадках про березу среди прочих четырех "угодий" или "дел" этого дерева непременно отмечается "хворому полегчение", "старому здоровье", "больным исцеление" и т.п. [33]. В XIX в. использование березы (и других весенних деревьев и кустов — той же вербы, ивняка) на празднике встречи птиц было уже редким, иначе бы в сделанных тогда описаниях обряда были бы ясные указания на этот обычай, и его не пришлось бы реконструировать по дошедшим до нас косвенным свидетельствам. Однако к тому времени, когда Даль собирал материалы для своего Словаря, обыкновение варить березовую кашу ушло в прошлое, прекратилось, стало забываться. А само словосочетание "березовая каша" в народной памяти закрепилось, только этими словами стали обозначать иной обычай того же праздничного дня — обрядовое хлестание ветками березы. Этот обычай, очевидно, был более устойчив, он подкреплялся сходными и очень распространенными действиями: вербным хлестанием, обыкновением париться в бане с березовыми вениками и т.д. Но и он постепенно начал входить из календарно-праздничного обихода, передав обозначающее его словосо-

четание всякому, уже не обрядовому хлестанию, а сечению, битью розгами. Почему словосочетание "березовая каша", изменив свое значение, все же осталось в нашей речи как фразеологический оборот, а "вербная каша" так помаленьку и забылось вовсе? Трудно сказать. Однако можно предположить, что на изменение первоначального смысла выражения "березовая каша" повлияло то, что в народном обиходе уже были сохранившийся в диалектах старый фразеологизм "березовицу точить" — плакать [34]. В этом фразеологическом обороте березовый сок уподоблен слезам, береза ассоциируется с болью и печалью. Сходным образом и иное лакомство, к которому имела отношение береза, — березовая каша — тоже стало восприниматься метафорически [35]. И мы должны отметить глубокий архаизм белорусской потешки, в которой, по всей видимости, запечатлелось первоначальное значение этого выражения.

Итак, исследование детского фольклора на фоне народных весенних обрядов позволяет предположить, что в древности при встрече птиц и весны восточные славяне употребляли березовые ветви. Известно, что месяц апрель стали называть березозолем [36]. А до того этим словом и другими словами, образованными от существительного "береза", называли март. И едва ли только "от действия весеннего солнца на березу, которая начинает наливаться сладким соком и пускает почки" [36, с. 99-100]. Важнее было другое — обрядовое использование березы в день праздника прилета птиц и начала весны, в первый день первого весеннего месяца.

Барашки

До сих пор дети по весне любят играть почками вербы и ивы. До сих пор богомольные старушки хранят дома освященные в Вербное воскресенье прутики, чтобы в случае какой-либо хвори съесть их пушистые почки. Эти почки называют барашками [37]. Они действительно мягкие и пушистые, как маленькие зверьки. Но мало ли пушных зверей — и домашних, и диких? Почему же сравнивают эти вербные пушочки именно с барашками? Почему они не называются, допустим, козочками, кошками, собачками, лисичками, белками, мышками, куницами?

Белорусы-пинчуки называли почки освященной вербы, которые они ели от лихорадки и зубной боли, овечками [16, с. 100]. Выше приводилось свидетельство, что в Ярославской губернии шишечки вербы в Вербное воскресенье запекались в обрядовые хлебцы. В костромских деревнях к Вербному воскресенью пекли обрядовое печенье в виде вербных почек, и называлось оно "барашки" [38]. "В Нерехте крестьянки

пекут барашки в Вербное воскресенье и, когда придут из церкви, то этими барашками кормят скотину..." [39]. Жители Костромского края кормили баранов печеными барашками, веря, что "в Вербное воскресенье барашки (овцы) именинники" [40]. По свидетельству И.П.Сахарова, пожилые женщины, используя соль, пережженную в печи на Благовещенье, пекли "барашки" — "небольшие булки, назначаемые ими для излечения скота" [41]. А.С.Петрушевич отмечал, что на Благовещенье с пережженной в печи солью пекли "бляшки" (булки) для кормления овец [42]. "Бяшка" — это диалектное название барана [43]. В русских диалектах встречаются и такие названия обрядовых хлебцев: "бараны", "баранко" [44].

Как в день встречи птиц "жаворонки" и "кулики" несли здоровье людям и скоту (причем в закличках особо оговаривалось "здоровье коровье и овечье"), так и освященной вербой или же печеными барашками кормили коров и овец ради их здоровья. Примечательно, что в Сибири "жаварёнками" и вербой кормили овец и коров в один и тот же день — в Чистый четверг [45]. Временной близостью и сходством содержания обрядов встречи птиц и Вербного воскресенья объясняется и такое, несколько сумбурное, свидетельство: "В Вербное воскресенье бабашки пекли. Это бывало 9 марта. Это встреча весны. И "жаворонки" у нас пекли" [46]. Судя по всему, день встречи весны и Вербное воскресенье в памяти информатора слились воедино — как бабашки-барашки и жаворонки.

На Украине весной "под вербами "круглый танец иде", дивчата поют веснянки" [47]. Есть и такая народная примета: "Увидал на вербе пушок — и весна на шесток" [48]. Замечательно в ней это соединение пушистой вербы с древним образом птицы-весны на шестке. Этот образ, несомненно, навеян обрядовыми действиями при встрече птиц, когда "жаворонков" и "куликов" рассаживали на палках и шестах. Иногда и в веснянках поется, что весна пришла "на жердочке" [49].

В Калужской губернии пение веснянок-закличек приурочивалось не только к 9 марта, Благовещенью (это обычные дни встречи птиц), но также и к Вербному воскресенью [50]. Не одно лишь закличание птиц, но и другие разнообразные обрядовые действия, знаменовавшие встречу весны (с пением веснянок, с употреблением обрядовых хлебов, при участии, как правило, девушек и женщин), были приурочены в разных восточнославянских землях к Вербному воскресенью [16, с. 75]. Наконец, любопытно, что в некоторых русских диалектах "барашком" или "баранчиком" называют птиц. Обычно это кулики (бекасы) [8, с. 47]. Взаимозаменяемость слов "кулик" и "барашек" в обозначении птицы весьма существенна, если вспомнить, что "кулик" — расхожее наименование тестяной "птички", приготовляемой ко дню встречи птиц.

· Святая Евдокия

День 1 марта, когда справляли обряд встречи птиц, по православному календарю — день святой Евдокии — покровительницы овец [51]. "Авдотькой" или "авдошкой" называли большого болотного кулика, а также пестрого хохлатого удода — потатуйку [52].

В селе Павловском-Куракине Пензенской губернии в конце прошлого века канун Вербного воскресенья отмечался очень интересным обрядом, который включал в себя полуночный обход молодежью деревенских дворов. При этом, зайдя в дом, слегка ударяли вербой сонных хозяев, приговаривая, между прочим, так: "Вставай рано, бей барана". Уходя, пели:

Не нашего околотка девки толстопряхи,
А нашего — тонкопряхи... [16, с. 100-101].

Эта песня близка по теме к известной народной песне о Дуне-тонкопряхе:

Жила-была Дуня,
Дуня-тонкопряха.
Вали-вали, Дуня,
Дуня-тонкопряха!
Пряла наша Дуня
Ни толсто, ни тонко —
Потолще каната,
Потолще каната —
Потоньше оглобли!.. [53].

Известно много вариантов этой песни. И неудачливая тонкопряха именуется в них Дуней — Евдокией. Не получается у пряхи Евдокии толком прясть. Ей препятствуют в ее деле постоянные помехи: "Пряжа не прядется — // Тонка нитка рвется". Дуня и "берда не сыскала", и не смогла намочить концы и т.д. [53, с. 133-134]. Видимо, это оттого, что в день встречи птиц — на Евдокию, на Сороки и особенно на Благовещенье — нельзя было прясть. Бытовали и поговорки: "Весною прясть ленно" (то есть лен); "Не до пряля прялье (то есть пряхе. — В.К.), весна красна!"; "Что нам прясть, пряди кукушка!" (прилетевшая весною, добавляет Даль) [8, т. 3, с. 533]. Говорили, что кукушка на Благовещенье вила гнездо и была за это наказана — с тех пор так и мыкается без своего гнезда [54]. Известно было растение "сорочья пряха", известен был и такой запрет: "Не клади пряслицы на стол — сорок грехов наживешь" [8, т. 3, с. 533; т. 4, с. 275]. Птица сорока и число сорок (не семь, не десять, не дюжина, не сто) упоминаются тут в связи с пряхей, очевидно, потому, что верили, будто на Сороки сорока гнездо завивает и кладет в него сорок палочек [55].

Запрет на пряденье и прочее женское рукоделие 1, 9 и 25 марта известен и другим славянским народам [56]. Этот запрет характерен для календарных женских и девичьих праздников. "В Благовещенье

день — птица гнезда не завивает, девица косы не заплетает” [57]. В этот день “на суровую пряжу не глядят” [58], и вообще “робить ничево нильзя” [59]. У восточных славян прядение связывалось с языческой богиней, чьи функции после принятия христианства перешли главным образом к Параскеве-Пятнице [60]. При этом важно заметить, что “Пятнице приписывают влияние на здоровье, урожай хлеба и плодородие скота” [60, с. 88]. То же самое, по народным поверьям, приносят весенние птицы. Если учесть, что при обряде встречи птиц, по всей видимости, звучали обрядовые песнопения со словом “ладо”, а ритуальное действие исполнялось девушками и женщинами, то можно предположить, что этот весенний праздник в языческие времена был связан с богиней любви и плодородия Ладой. Далекий отзвук этого языческого божества можно уловить и в народных сказаниях о появляющихся с приходом весны лихорадках.

Дида и Лада

Выше приводились свидетельства, согласно которым шишечки освященной в Вербное воскресенье вербы предохраняли от лихорадки. К этому можно добавить, что так называемая старая (то есть прошлогодняя) верба входила в состав двенадцати трав от лихорадки. А выжатый сок растения вербянки (вербяна аптечная, железняк) давали при лечении лихорадки [61]. В Купянском уезде Харьковской губернии окуривали себя от лихорадки зажженной веточкой вербы [62]. Лихорадки, или, по-простонародному, трясавицы представлялись нашим предкам злыми девами, перелетающими от одного человека к другому, чтобы терзать его и мучить болезнью. Оберегала от трясавицы не только верба, спасал от нее и мученик Сисиний — один из сорока мучеников севастийских, которым был посвящен день 9 марта [63]. Не потому ли, кстати, чтобы оградиться от лихорадки, нужно было съесть именно девять вербных “барашков” (реже — три) [64].

И.П.Калинский пишет: “В старину этого угодника весьма часто можно было видеть на иконах в особенной обстановке, в которой довольно точно выражалось народное верование, приурочиваемое к мученику Сисинию. На одном из этих своеобразных иконных изображений, сохранившемся до нашего времени в одной из церквей Орловской губернии, представлено нечто вроде скалы, возвышающейся над озером с водою черною. В озере купаются 12 дев совершенно нагих, желтого, синего и других цветов, с растрепанными волосами. На скале по одну сторону изображается мученик Сисиний, простерший правую руку на озеро, а по другую — архистратиг Михаил, поражающий дев. Понятно, что эти девы изображают собою лихорадок, трясавиц или ворогуш. Но

спрашивается: каким образом это фантастическое народное представление о трясавицах слилось с именем св. Сисиния, когда в церковном свидетельстве о Сисинии нет никакого намека на дар благодати прогнать от людей трясавиц?" [65].

9 марта, когда почитали уберегающего от дев-трясавиц св. Сисиния, отмечали встречу птиц. Обряд этот отразился в тексте нынешней потешки "Ладушки". Само слово "ладушки" происходит от рефрена древних обрядовых песнопений "дидо-ладо", "ладо-ладо", "дидо-ладо, дидо-ладушки" [66]. В заговорах же против лихорадок перечисляются имена дев-трясавиц. И среди прочих имен вроде Огневица, Знобея, Крикуша, Чернетя, Пухля, Желтя, Дряхля и других им подобных есть и такая пара: Дида и Лада [67]. Такой выбор этих имен связан с тем, что в один и тот же день — Сороки — пели весенние обрядовые песни с припевом "дидо-ладо" и обращались к мученику Сисинию за защитой от лихорадки [68]. То, что тема злых чудищ-трясавиц была актуальна именно в день встреч птиц, не должно удивлять. Перелетные птицы возвращались на Русь из потусторонней страны — вырия. Вырий в это время был распахнут, отомкнут (отмыкание весны — обычный мотив веснянок), и все вредоносные и болезнетворные силы могли беспрепятственно проникать в этот мир, к людям и животным. Кстати, облик дев-трясавиц в народном представлении уподоблялся зимующим в заморском inferнальном вырее птицам: "Лихорадки крылаты, их земля держит в своих челюстях на цепях" [69], либо же они выходят на землю из вод.

Все это еще раз указывает на сходство действий и образов, приуроченных ко дню встречи птиц и к Вербному воскресенью. Многочисленные случаи такого сходства двух народных праздников вполне объяснимы. Встреча птиц была одновременно и встречей весны. Но говорили и так: "Без вербы — не весна" [70]. Выходит, начало весны знаменовалось как прилетом птиц, так и пробуждением вербы, на которой появлялись пушистые почки — зримые предвестники теплой поры года. Предвещающее, приметное для крестьянина значение прилетающих птиц и зацветающей вербы и было общей основой двух близких обрядовых комплексов. Оба они отмечали, по сути, одно и то же — приход весны. И отмечали сходным образом: в день встречи птиц не только пекли "жаворонков" и "куликов", но, судя по всему, тогда бытовало и обрядовое хлестание березовыми ветками. А в Вербное воскресенье, помимо обрядового хлестания ветвями вербы, было заведено печь "барашков". И все эти действия должны были дать здоровье и жизненную силу людям и домашнему скоту.

Трясавица, Лада, Параскева-Пятница

На описанной Калинским иконе трясавицы представлены двенадцатью нагими девами с растрепанными волосами. Они купаются в озере. Этот образ — что-то среднее между русалкой и Параскевой-Пятницей, точнее — двенадцатью наиболее почитаемыми в году пятницами [71]. Есть свидетельства о том, что на Украине Пятницу причисляли к русалкам, а белорусское слово "патніца" означало нечистую силу [72]. В 40-й главе Стоглава говорится, что ходят "по погостам и по селам и в волостях лживые пророки, мужики и жонки, и девки и старые бабы, наги и босы, и волосы отrostив, распустя трясутся, и убиваются, а сказывают, что им является св. Пятница..." [73]. Также и в Духовном регламенте Петра I упоминается о том, что "в Малой России, в полку стародубском, в день уреченный праздничный водят жонку простовласую по имени Пятницы, а водят в ходе церковном..." [74]. Нагая женщина с распущенными волосами и трясушаяся: кто это — Пятница или лихорадка-трясавица? Или за этими сходными мифологическими персонажами проглядывает еще более древний образ языческой Лады?

Итак, поразительное — по многим фактам и многим общим мотивам — сходство обрядов, приуроченных ко дню встречи птиц и к Вербному воскресенью, объясняется, по-видимому, как тем, что эти обряды имели единую основу, так и тем, что они были связаны с неким языческим женским божеством, почитавшимся в эту пору года.

Выше упоминалось о праздновании молодежи села Павловского-Куракина Пензенской губернии кануна Вербного воскресенья — Лазаревой субботы. Это обрядовое действие включало в себя не только полуночный обход дворов, хлестание вербными прутьями под соответствующие приговоры (с упоминанием о баране), песни, в том числе о девках-пряхах. Была и обрядовая еда: "курник", каша, блины — и совместная трапеза, были также, по словам информатора, "неприличные коверканья". В.К.Соколова, дав описание этого праздника, отмечает, что в нем "причудливо слились элементы древних весенних игрищ молодежи, эротические моменты, обрядовая еда, удары вербой с традиционными приговорами, обход дворов и явно позднего происхождения "гимн" и песни" [16, с. 101]. Можно кое-что уточнить: приговоры о баране отнюдь не традиционны, но все же вполне уместны на Вербное воскресенье. Песня о пряхах, возможно, и поздняя, но сама ее тема, безусловно, давняя.

В.К.Соколова пишет: "На основании данного описания нельзя, конечно, сказать, имеем ли мы здесь дело с пережитком древнего ритуала или это какое-то местное творчество, составленное из элементов разных обрядов. Но надо вспомнить, что у южных славян "лазарева суб-

бота" сопровождалась рядом весенних обрядов, в частности, у болгар это был девичий праздник — лазарование (лазаруване). Весьма вероятно, что и у восточных славян когда-то к этому времени был приурочен более сложный праздничный ритуал, не ограничивавшийся только ударами веткой вербы" [16, с. 101]. Это пронизательное суждение подтверждается как уже рассмотренным в этой работе материалом, так и следами иных, помимо вербного хлестания, обрядовых действий в Вербное воскресенье у русских в Латвии. В этот день при отвербовывании они хлестали друг друга, животных, предметы домашнего обихода со словами:

Верба свята,
 Верба свята,
 Не я освящаю,
 Бог освящает,
 Печки-перепечки,
 На божью милость.
 На житье-бытье,
 На корысть, на радость,
 На божью милость
 Хлеб спор,
 Животам приплод.
 На тебе веревочку,
 А мне пару яичек [75].

В этом тексте упоминаются "перепечки" — ритуальное печенье, хлебцы [76]. А две конечные строки, сходные как с обращением к прилетающим птицам в весенних закличках / "Дайте нам лето, // А мы вам зиму" [77]; "Мы вам посощочек, // А вы нам денег мешочек" [78], так и с традиционным мотивом колядок, очевидно, отражают некогда бытовавший обрядовый обход дворов, известный и в болгарском лазаровании.

Все свидетельствует о том, что в глубокой древности у язычников восточных славян был приуроченный к началу весны, т.е. к весеннему равноденствию, обрядовый комплекс, включавший в себя много разных элементов: обрядовую еду ("семянную кашу", вербную и березовую кашу, обрядовое печенье в виде кругляшей, фигурок птиц и животных), ритуальное хлестание вербными и березовыми ветвями, обрядовые песнопения. Очевидно, женщины и девушки в это же самое время обращались к некой языческой богине любви и плодородия.

Этот праздник был, конечно, праздником встречи весны. Но, видимо, не только.

Веник в фольклоре и в весенних обрядах

В некоторых вариантах потешки "Ладушки" поется о том, что бабушка сечет детей не только лозой, но и веником, а в одном известном мне случае — лозой и веником разом.

На Егорьев день скотину в поле выгоняли освященной в Вербное воскресенье вербой. Но иногда — веником-голиком. В егорьевской песне поется:

Выгоню коровушку
Со двора голиком,
Приходи ко мне, коровушка,
Со всем молоком! [79]

Ясно, что составленный из прутьев веник и в этой песне, и в "Ладушках" заменяют свежие весенние ветви. Но значение веника в народной традиции не сводится только к такой замене. В связи с древним образом некогда почитавшегося весной женского мифологического персонажа помело (веник) — обычный атрибут ведьмы, Бабы Яги. Видимо, не случайно "мохры от помела, в ладанке, прогоняют лихорадку" [8, т. 3, с. 271].

Если учесть, что колядование в старину было приурочено к весеннему началу года — 1 марта [80], а в колядках встречается угроза ушибить метлой [81], то можно предположить, что в день встречи птиц в обрядовых целях использовали и веник — на что вроде бы указывают и отмеченные варианты "Ладушек". И еще некоторые факты. Так, по словам В.Н.Добровольского, в Дмитровском уезде Орловской губернии "открытие весны сопровождается хороводною игрою "Перцы-воротцы": девушка, изображающая весну, прогоняет веником из хоровода старуху зиму" [16, с. 93, прим. 80]. А в новгородской веснянке, которая "бьет как детская игра" на масленицу, поется:

— Весна, весна, на чем подошла?
На чем подошла-подъехала?
На чем подошла-подъехала?
— На сошечке, на бороночке, на веничке [82].

Считается, что обряды масленицы некогда составляли с обрядами встречи весны единый комплекс проводов зимы и встречи весны. Не случайно среди масленичных песен нередко типичные веснянки вроде приведенной выше [16, с. 58-60, 65, 67]. Употребление веников в масленичных действиях засвидетельствовано. Если еще можно сомневаться в том, обрядовыми или бытовыми целями вызывалось использование веников при сжигании масленицы [83], то обрядовое значение веников в убранстве масленичного поезда несомненно. Веники надевали на дугу и к хвосту хоня или же просто увешивали ими всю повозку [16, с. 29, 30, 33, 87, прим. 35]. Масленичный выезд вез саму "гостью масленку"

или изображавшего ее человека. Чучело же масленицы олицетворяло собой старуху зиму. Если учесть все это, то резонен вопрос: случайна ли стойкая традиция лепить снежную бабу непременно с веником-го-ликом?

Примечательно, что березовые веники в обряде санного поезда применялись в понедельник масленичной недели, при встрече масленицы [84]. Дело в том, что после принятия Русью христианства на то время, когда справлялся праздник проводов зимы и встречи весны, пришелся Великий пост, и обряды проводов зимы были вытеснены на более ранний срок. Они-то и составили масленицу. Главным действием масленичной недели стали, разумеется, проводы масленицы. Отмечавшаяся в некоторых местах в понедельник встреча масленицы — обряд поздний и неоригинальный, сложившийся под влиянием встречи весны [16, с. 13-16].

В масленичных песнях, особенно в тех, что пелись при встрече масленицы, она именуется Авдотьей [85]. Видимо, это имя было перенесено на масленицу вместе с темами и мотивами песен и обрядовых действий, которые прежде приурочивались ко дню встречи весны, в частности к 1 марта, дню св. Евдокии. Такое перенесение тем более естественно, что и другой день встречи весны — Сороки — тоже, судя по всему, отразился в обрядах встречи масленицы. В начале XX в. во Владимирской губернии четверг масленичной недели назывался "сисинка" и отмечался обходом дворов подростками. Они пели, им подавали блины и деньги [86]. С этого дня — широкого четверга — во многих местах начиналось масленичное гулянье. Этот владимирский обряд — своеобразная встреча масленицы. Возможно, и само его название может быть сопоставлено с именем св. Сисиния — наиболее известного из сорока мучеников севастьянских, которых чествовали в день встречи весны.

Таким образом, относящиеся к масленице данные подтверждают упоминаемое в "Ладушках" обрядовое использование веников на празднике встречи птиц и весны. Тот факт, что обрядовое употребление веников при встрече весны подтверждается именно относящимися к масленице материалами, вполне объясним тем, что некогда два этих праздника составляли единый обрядовый комплекс, разошедшийся после того, как на конец зимы и начало весны пришелся Великий пост. Очевидно, обрядовые действия и тексты, которыми встречали весну, подверглись деформации, частично забылись, частично же стали приурочиваться к иному времени: к неделе перед Великим постом (масленице), к Вербному воскресенью и к другим праздникам. Так что в элементах праздника встречи весны можно было бы, вероятно, попытаться уловить и мотивы изгнания зимы, более заметные на масленицу.

Примечания

Эта работа подготовлена при финансовом содействии Международного Фонда "Культурная инициатива".

1. Чуковский К. От двух до пяти. М., 1955. С. 165.
2. Мельников М.Н. Русский детский фольклор Сибири. Новосибирск, 1970. С. 69-70.
3. Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 1. Младенчество, Детство/Сост., подг. текстов, вступ. ст. и коммент. В.Аникина. М., 1991. С. 119.
4. Капица О.И. Детский фольклор: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Л., 1928. С. 58.
5. Там же. Ср.: "— Ладышки, ладышки, // Где были? // — У бабушки // — Чего ели? // — Кашку // — Кого били? // — Машку // Ее били, колотили, // Приговаривали: // — Не ходи, Машка, // По чужим дворам, // Не качай, Машка, // Чужих детишек... и т.д. (Из собрания В.И.Симакова: Детский фольклор / Публикация В.А.Василенко и В.Г.Шоминой // В.И.Симаков и народное творчество: Межвуз. тематич. сб. Калинин, 1977. С. 132-133.)
6. Записано автором в апреле 1988 г. в г. Дзержинске Горьковской области от уроженки Новосибирска Л.Н.Поздеевой. Этот вариант "Ладушек" бытовал в Сибири в предвоенное время.
7. Лзіцячы фальклор/Складальнік Г.А.Барташэвіч. Мінск, 1972. С. 187.
8. Ср.: "Накормить кого березовой кашей, постегать" (*Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I.M., 1981. С. 83.)
9. Любопытно, как трансформировалась малопонятная в таком контексте тема березовой каши в стихах белорусского поэта, написанных по фольклорным мотивам: "...Ладушки, ладушки, // Где были? У бабушки // Что ели? Яичко // Что пили? Водичку // Долго мы сидели, // Долго пили-ели, // А потом играли, // Прыгали, скакали. // Прыгали-скакали — // Бабушке мешали... // Очень рассердилась // Бабушка наша // Обещала нам дать // Березовой каши" (*Витка, Василь, Т.В.Крысько.* Бабушкины гости: Стихи/Пер. с белорус. И.Токмаковой. М., 1987.)
10. Мельников М.Н. Русский детский фольклор Сибири. С. 45. (Из потешки, используемой в качестве колыбельной песни.)
11. Потешки, считалки, небылицы//Сост., авт. вступ. ст. и примеч. А.Н.Мартынова. М., 1989. С. 109.
12. Коршунков В.А. Бабушкино угощение в потешке "Ладушки" // Мир детства и традиционная культура: Материалы III чтений памяти Г.С.Виноградова (Виноградовские чтения) / Сост. В.М.Григорьев, М.А.Мухлынин. М., 1990. С. 61-63; *Он же.* Этнографический комментарий к "Ладушкам" // Дети и народная культура. Четвертые Виноградовские чтения 15-20 мая 1990 года: Тезисы докладов /Отв. ред. М.Н.Мельников. Новосибирск, 1990. С. 18-19; *Он же.* "На головушку сели!" // Русская речь. 1991. № 1. С. 142-146. В.В.Головин предложил иное объяснение происхождения текста "Ладушек". Соглашаясь с тем, что основа этой потешки обрядовая, он предположил, что "Ладушки" восходят к другому обряду — "бабьим кашам", празднику повивальных бабок и рожениц (26 декабря по старому стилю). (*Головин В.В.* "Ладушки": Вопросы генезиса // Дети и народные традиции: Материалы Пятых Виноградовских чтений/Научн. ред. А.И.Лазарев. Ч. 1. Челябинск, 1991. С. 35-38.) Некоторые наблюдения Головина вполне резонны. С другой стороны, и сам он признает, что по крайней мере заключительные слова "Ладушек" ("Шу, полетели, // На головушку сели!") "могут соотноситься с реальным весенним обрядом". Если так, то как же объяснить, что один и тот же текст может связываться и с весенним обрядом встречи птиц, и с зимними "бабьими кашами"? На мой взгляд, дело в том, что "бабьи каши" — это лишь один из большого числа календарных женских и

девичьих праздников, которые имели много общего между собой. Перечень некоторых из них приведен в книге А.А.Макаренко "Сибирский народный календарь" (Новосибирск, 1993. С. 136-139). Есть все основания полагать, что и праздник встречи птиц, запечатленный в детских потешках, был одним из таких женских и девичьих дней. Впрочем, обширный материал, подтверждающий это, требует отдельного обстоятельного исследования.

13. Пища и питье крестьян-малороссов с некоторыми относящимися сюда обычаями, поверьями и приметами / Сост. В.Ш. // Этнографическое обозрение. 1899. № 1-2. С. 292; *Скорняков В.* Приангарский край в этнографическом отношении // Сибирский наблюдатель. Кн. 6. Томск, 1901. С. 43.
14. *Топорков А.Л.* Православные праздники. М., 1990. С. 17.
15. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX — начало XX в.: Весенние праздники/Отв. ред. С.А.Токарев. М., 1977. С. 22-24, 41, 63, 76, 150, 169, 230, 255, 329; *Токарев С.А., Филимонова Т.Д.* Обряды и обычаи, связанные с растительностью // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев/Отв. ред. С.А.Токарев. М., 1983. С. 155.
16. *Соколова В.К.* Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.
17. Само слово "верба" родственно словам индоевропейских языков со значениями: стебель, прут, палочка, розги, побои (*Срезневский И.И.* Словарь дренерусского языка. Т. 1. Ч. 1. М., 1989. Стлб. 460; *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 293). В русских диалектах слово "верба" может обозначать любое дерево, дерево вообще (Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л., 1969. С. 120).
18. Применение вербового жезла для исцеления засвидетельствовано уже в XIII в. (см.: *Срезневский И.И.* Словарь. Стлб. 460).
19. *Ермолов А.С.* Народная мудрость в пословицах, поговорках, приметах. Т. 1. СПб., 1901. С. 109.
20. Русская народная поэзия: Обрядовая поэзия / Сост. и подгот. текста К.Чистова и Б.Чистова. Л., 1984. С. 121.
21. *Толстая С.М.* Полесский народный календарь: Материалы к этнодиалектическому словарю (А-Г) // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. М., 1984. С. 191.
22. *Костомаров Н.И.* Об историческом значении народной поэзии. Харьков, 1843. С. 48.
23. Об этом обряде см.: *Шереметева М.Е.* Земледельческий обряд — "заклинание весны" в Калужском крае // Сб. Калужского гос. музея. Вып. 1. Калуга, 1930. С. 33-60; Обрядовая поэзия / Сост., предисл., примеч., подг. текстов В.И.Жекулиной, А.П.Розова. М., 1989. С. 177-184.
24. Обрядовая поэзия. С.181-182.
25. *Шереметева М.Е.* Земледельческий обряд.
26. Ср. способ уничтожения освященной вербы, хранящейся до Егорьего дня, — бросить в реку, в воду (16, с. 161).
27. *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. Т. 2. М., 1993. С. 382-383.
28. *Калинский И.П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1990. С. 176-177.
29. Обрядовая поэзия. С. 197.
30. Круглый год: Русский земледельческий календарь / Сост., вступ. ст. и примеч. А.Ф.Нехрыловой. М., 1989. С. 456. В Саранском уезде "каждый хозяин, придя домой с вербой, шел прежде всего в хлев и бросал вербу в корм для скота" (16, с. 99).
31. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М., 1980. С. 48.

32. *Шереметева М.Е.* Земледельческий обряд. С. 37.
33. Загадки русского народа: Сборник загадок, вопросов, притч и задач / Сост. Д.Н.Садовников. М., 1959. С. 162-63.
34. Этот фразеологический оборот отмечен, к примеру, В.М.Мокиенко (31, с. 36, прим. 1).
35. Обычное объяснение этого выражения иное: "Из школьного обихода. В старой школе начало какого-л. нового этапа обучения отмечали угощением (кашей) из одного котла (ср. однокашник). Провинившихся и нерадивых учеников вместо угощения кашей поролли березовыми розгами, "угощали кашей березовой" (*Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В.* Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987. С. 16). Такое толкование подразумевает довольно странную сцену торжественной порки лентяев перед тем, как начинать курс наук, а не после его завершения, так сказать, по итогам обучения. К тому же наказывать березовыми прутьями едва ли сподручно. Обычно для этой цели используют длинные, прямые и гибкие побеги ивы или орешника. Скорее всего, школярско-бурсацкие ассоциации этого выражения вторичны. Мокиенко замечает: "Весьма показательно, что именно в русских диалектах (или просторечии) развивается "кулинарная" линия "березовой" темы ("печь березовые блины", "угостить березовым пивом", "полечить березовой лапшой" — все выражения со значением "бить, хлестать"). По его мнению, эти "березовые" метафоры начинались, по-видимому, с сочетания типа "дать березового прута" (31, с.161).
36. *Калинский И.П.* Церковно-народный месяцеслов. С. 39.
37. Ср.: барашки — "пупочки или почки на ветле, вербе, раките" (8, с. 47).
38. Круглый год. С. 456.
39. *Забьлин М.* Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1990. С. 49-59. Ср.: "В Верное воскресенье в Нерехотском уезде пекут в масле на сковороде шарики, называемые баранками; в некоторых местах варят их в конопляном соку: сии баранки употребляют в пищу, пришедши от обедни; ими тогда же кормят овец" (*Потебня А.А.* О мифическом значении некоторых обрядов и поверий: 1. Рождественские обряды // *Потебня А.А.* Слово и миф. М., 1989. С. 427. Прим. 25 — со ссылкой на работу М.Диева).
40. Словарь русских народных говоров. Вып. 2. Л., 1966. С. 103.
41. *Сахаров И.П.* Сказания русского народа: Народный дневник, праздники и обычаи. СПб., 1885. С. 41.
42. *Петрушевич А.С.* Общерусский дневник церковных, народных, семейных праздников и хозяйственных занятий, примет и гаданий. Львов, 1866. С. 34.
43. (8, с. 47); Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Л., 1968. С. 360. Там же указано диалектное тульское "башка" — булочка, испеченная с пережженной на Благовещенье солью, которая давалась скоту как лекарство.
44. Словарь русских народных говоров. Вып. 3. С. 103, 106.
45. *Макаренко А.А.* Сибирский народный календарь. С. 102-183.
46. Фольклор Московской области. Вып. 1: Календарный и детский фольклор/Сост. В.Б.Сорокин. М., 1979. С. 25.
47. *Костомаров Н.И.* Об историческом значении народной поэзии. С. 47.
48. *Рыбаков Б.В.* Народный календарь. Свердловск, 1980. С. 14. Ср. также: "Увидала на вербе пушок — и весна под шесток" (*Объедков М.Ф.* Времена года: Народные суждения о погоде. Горький, 1986. С. 35).
49. См., например: Обрядовая поэзия. С. 182-184; Поэзия крестьянских праздников / Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. И.И.Земцовского. Л., 1970. С. 278.
50. *Шереметева М.Е.* Земледельческий обряд. С. 38.

51. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 352.
52. (8, с. 3). Если учесть, что иногда "барашком" называли хохлатую синицу (Словарь русских народных говоров. Вып. 2. С. 109), которая тоже, как и потатуйка, хохлатая, то это надо поставить в связь с обыкновением лепить тестяных "птичек" ко дню встречи весны "с хохолками" (Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 354; Пища и питье крестьян-малороссов. С. 313-314).
53. Русская народная поэзия: Лирическая поэзия / Сост., подг. текста, предисл. к разделам, коммент. А.Горелова. Л., 1984. С. 131-132.
54. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 385.
55. Калининский И.П. Церковно-народный месяцеслов. С. 102. Ср.: "На сорок святых сорока сорок паличок у гніздо положить" (Прислів'я та приказки: Природа. Господарська діяльність людини / Упоряд. М.М.Пазяк. Київ, 1989. С. 388).
56. Миков Л. Первомартенска обредност. София. 19857 С. 74.
57. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 385.
58. (8, с. 91) Ср. Мотив прядения в веснянках: зима "всю кудельку перепряла" (16, с. 72); "А мы весну ждали, // Ключки допрядали" (Обрядовая поэзия. С. 183).
59. Макаренко А.А. Сибирский народный календарь. С. 51.
60. Народные русские легенды А.Н.Афанасьева. Новосибирск, 1990. С. 84-88.
61. Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л., 1969. С. 120-121.
62. Иванов П.В. Жизнь и поверья крестьян Купянского уезда Харьковской губернии. Харьков, 1907 (Сб. Харьковского Историко-филологического Общества, XVII). С. 86.
63. Калининский И.П. Церковно-народный месяцеслов. С. 102-103. В Шуйском уезде Владимирской губернии 9 марта молились сорока мученикам "от кумохи или лихорадки" (Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества. Вып. I. Пг., 1914. С. 171). Было поверье, что лихорадки начинают нападать на людей в самом конце февраля. 25 февраля, по народному календарю, — день Тарасия Кумошника (Сахаров И.П. Сказания русского народа. С. 31; Круглый год. С. 124).
64. Калининский И.П. Церковно-народный месяцеслов. С. 177; 16, с. 100.
65. Калининский И.П. Церковно-народный месяцеслов. С. 102-103.
66. Коршунков В.А. Этнографический комментарий к "Ладушкам". С. 18.
67. Забылин М. Русский народ. С. 269.
68. Среди прочих имен дев-трясавиц есть и "Голяда" (Забылин М. Русский народ. С. 363). Очевидно, это несколько искаженный иной обрядовый напев — "коляда". Известно, что колядование, которое в позднейшую эпоху проводилось на зимние святки, в старину справлялось и 1 марта (Срезневский И.И. Словарь. Т. 1. Ч. 2. Стлб. 1263). 1 марта — первый день первого весеннего месяца, день встречи птиц и весны. В древности это было и начало года, к которому и было приурочено колядование. Кое-где насчитывали 40 видов лихорадки, в том числе выделяли и "веретенницу", которая нападает на пях (8, Т. II. С. 258). Очевидно, это тоже имеет отношение к дням встречи птиц.
69. Забылин М. Русский народ. С. 269. Ср.: "Я не знаю, что делать с этим известием. Сравнение с чудовищами германской мифологии, которые освободятся от цепей в конце мира, сюда нейдет" (Потебня А.А. О доле и сродных с нею существах // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С. 498. Прим. 5).
70. Круглый год. С. 455.
71. Народные русские легенды. С. 85. Наряду с этими двенадцатью пятницами почитали также девять пятниц обетных и насчитывали девять пятниц торговых (Калининский И.П. Церковно-народный месяцеслов. С. 44).

72. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982. С. 135.
73. Сахаров И.П. Сказания русского народа. С. 232.
74. Цит. по: Народные русские легенды. С. 88.
75. Русский фольклор в Латвии: Песни, обряды, детский фольклор / Сост. И.Д.Фридрих. Рига, 1942. С. 40-41.
76. Перепеча — "род кулича, коровая, папушника"; перепечь (перепечины) — "все хлебное, печенье, собираемое попами с причтом по домам, после Пасхи, при обходе с образами"; перепека — "высокий и толстый, хорошо поднявшийся хлеб". Рифма "печки — перепечки" традиционна, ср.: "Какова печка, таковы и перепечки"; "Лезти с печки для перепечки" (8, т. III. С. 73). В Каргополье перепечки пекли под Рождество, их давали детям — "христославцам". Перепечки шли и в корм скоту (Дурасов Г.П. Народная пища Каргополья: По материалам XIX-XX вв. // Советская этнография. 1986. № 6. С. 89). Ср. в масленичной песне: "Подайте оладушка-перепенчика, // Подмасленного, поджаренного" (Фольклор Московской области. С. 24). См. также: Судakov Г.В. Красна изба пирогами: Бытовой словарь Древней Руси // Русская речь. 1984. № 3. С. 109. Об украинской "перепичке" см.: Маркевич Н. Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян. Киев, 1860. С.159.
77. Обрядовая поэзия. С. 179.
78. (16, с. 72). "Посошочек" следует, очевидно, сопоставить с палкой, жердью, колом, на который сажали печеных "птичек".
79. (16, с. 163); Русская народная поэзия: Обрядовая поэзия. С. 121.
80. Срезневский И.И. Словарь. Т. 1. Ч. 2. Стлб. 1263.
81. Капица О.И. Детский фольклор. С. 80 (со ссылкой на Н.Добротворского). Ср. также упоминание помела в колядке: Обрядовая поэзия. С. 71; ср. использование помела на выюниках (16, с. 135).
82. Традиционный фольклор Новгородской области: По записям 1963-1976 гг./Под ред. В.Г.Базанова, А.А.Горелова, А.Д.Соймонова. Л., 1979. С. 139.
83. ".Не жалеют старых плетней (то есть корзин. — В.К.) и веников" (Огурцов Н. Масленица в Пошехонском уезде дер. Кладово Давыдовской волости//Этнографическое обозрение. 1909. № 1. С. 72).
84. Коринфский А.А. Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. М., 1911. С. 160.
85. Поэзия крестьянских праздников. С. 244, 263.
86. Обрядовая поэзия. С. 166-167.